

Литература. — 1991. — 1 марта.

Аркадий Высоцкий:

НАПИШУ ОБ ОТЦЕ, КОГДА УЛЯГУТСЯ СТРАСТИ

Сыну Владимира Высоцкого — Аркадию — 28 лет. Кинорежиссер. Внешне не очень похож на отца. Очень сдержан, редко дает интервью на «внутрисемейные» темы. Поэтому первый вопрос — о цели его творческой командировки в Ереван.

— Я приехал работать с кинорежиссером Рубеном Григоряном, однокурсником по ВГИКУ. Поскольку главный герой нашей будущей картины — армянин, естественно, я решил поближе познакомиться с культурой Армении, ее людьми.

— О чем ваша совместная работа?

— Мы хотим рассказать достаточно захватывающую приключенческую историю. Но и поразмышлять о состоянии общества, современника, его чувствах, которым столь мало теперь места в жизни. Повествуя об истории любви пожилого человека и молодой девушки, наш фильм затронет и проблемы взаимоотношения поколений.

Это третья по счету моя картина. Две предыдущие были сделаны на студии имени Довженко...

— Ваша предрасположенность к искусству от родителей? Ведь они — актеры...

— Очень многим тут я обязан маме. Она пожертвовала своей работой, чтобы воспитывать нас, детей. Два года назад я закончил ВГИК, а до того год учился на факультете вычислительной математики и кибернетики МГУ. Потом понял, что это не для меня, оставил университет и уехал работать на золотые прииски в Сибирь. Руководил артелью близкий друг отца Вадим Туманов. Работа и знакомство с ним имели огромное значение: он воспитал во мне чувство реальной жизни. Здесь я впервые понял, что такое трудовые деньги, научился ценить время.

— В книге «Владимир Высоцкий. Четыре четверти пути» публикуются и ваши воспоминания об отце. В них уклон необычный — спортивный...

— Я ведь писал все-таки для издательства «Физкультура и спорт», где и вышла книга, соответствующим образом задуменная.

— Не мешала ли вам популярность отца?

— Популярность родителей — всегда испытание для детей. Безусловно, я гордился отцом. Для меня он всегда оставался человеком с большой буквы. Когда же я пришел в кино, этот вопрос как-то исчез. В кино, как известно, работают члены семей известных в искусстве людей. Например, со мной учились дочь Шукшина, внучка Чухрая, дочь Шпаликова, Федя Бондарчук, Тигран Кеосаян... «Избранности» никакой не чувствовал.

— Какие отцовские черты вам импонировали больше всего?

— Мужество. Трудлюбие. Неиссякаемое чувство юмора...

— Стихи Высоцкого-поэта стали выходить в печати лишь после того, как его не стало, да и при жизни ватского отца больше считали артистом, певцом. Как вы относитесь к его поэзии?

— Я всегда считал отца в первую очередь поэтом, а потом актером, певцом.

— Наверняка, у вас своя точка зрения к шуму вокруг имени Высоцкого после его смерти?

— Все досужие разговоры о его личной жизни и семейных делах — дань мещанским, обывательским интересам, не имею-

щим отношения к творчеству отца. Настанет время, и настоящие биографы, уверен, опираясь на подлинные документы, напишут о нем книгу без легенд. Также без особого восторга я отношусь к попыткам текстологической работы, к псевдонаучной литературе. Самое главное — искренне любить его песни, слушать их, читать его стихи.

— Как вы реагировали на вызвавшую ажиотаж книгу Марины Влади «Владимир Высоцкий, или Прерванный полет»?

— Прежде всего, я считаю, что Марина писала ее искренне. Однако всегда, когда еще горячи воспоминания и свежа рана, эмоции и личная неприязнь к отдельным людям разрушают правдивость повествования. Многие из того, что написано Влади, — не объективно, жестоко по отношению к ныне живущим людям. Вообще, на мой взгляд, выступать с подобными оценками и трактовками, описывать личную жизнь известного человека довольно некрасиво, нескромно.

— Но ведь сама Марина Влади — знаменитый человек, «звезда» в искусстве...

— Поймите меня правильно: я не хочу ее никак обвинять — она сыграла большую роль в жизни отца, была ему ближе, чем остальные окружавшие его люди.

— А сами вы пока не хотели бы написать об отце?

— Может, со временем напишу, но пусть улягутся страсти.

— Вы, кстати, общались с Мариной Влади?

— Да. Причем никогда не ссорились ни с ней, ни с ее детьми...

— Юрий Визбор в уже упомянутой книге воспоминаний «Четыре четверти пути» писал, что у вашего отца «был один друг — от студенческой скамьи до последнего дня, о существовании этой дружбы не имели представления многочислен-

ные «друзья», число которых с каждым днем растет». Кого имел в виду Визбор?

— Точно сказать трудно. Всю жизнь рядом с ним был Сева Абдулов — может, именно его и имел в виду Визбор. А может, это — Жора Елифанцев.

— Однако некоторые пишут об одиночестве Высоцкого...

— Это неправда. Может, к концу жизни он и остался один. Рядом с ним было мало хороших людей. Много — корыстных, которые крутились вокруг, таких, как, например, Янкович, который теперь делает деньги на этом знакомстве. Действительно, сейчас многие люди любят хвастать личным знакомством с отцом и зачастую говорят правду. И на самом деле он был знаком с очень многими, и нередко даже у случайного знакомого создавалось впечатление, что он стал близким другом Высоцкого — настолько душевными были встречи.

— В Армению вы приехали впервые. Ваши впечатления?

— Мне нравится и Ереван как город, и его жители. Честно говоря, я представлял их как-то иначе. То есть такими, какими они выглядят на московских рынках. Да и некоторые телепередачи, газетные материалы создавали своеобразно искаженный образ армянина.

— Но у вас, Аркадий, могли быть другие ассоциации. Ведь Владимир Высоцкий неоднократно очень тепло отзывался о своей мажехе-армянке?

— И я очень люблю ее — мою бабушку — Евгению Степановну Степанян. Как известно, она воспитывала отца в Германии. И вся семья бабушки мне очень близка — они мои родственники, и я их очень люблю...

Беседу вел
Наталья ГОМЦЯН.

ЕРЕВАН.